

УДК 1 (091)

**СИСТЕМНОСТЬ КЧР
И СИСТЕМА КАНТА (III)¹**

Л. А. Калинин*

Продолжается анализ системности «Критики чистого разума» как текста, обеспечивающего целостность всей философской системы Канта. В развитие идей 1-й и 2-й частей работы в данной, 3-й, части рассматривается отношение понятийной сферы и сферы реальности. Понятия делятся у Канта на *phaenomena* и *noumena*. Первые – понятия чувственно данных явлений, вторые же – понятия, выражающие вещи в себе. Показывается, что *noumena* как понятия о вещах в себе делятся на содержательные и пустые. Содержательным *ноуменам* соответствуют трансцендентальные предметы как объекты возможного опыта, ставшего и могущего потенциально стать действительным, с одной стороны, а с другой – им соответствуют абстрактные отношения-идеализации, которые, будучи нормами и ценностями, имманентны миру явлений и участвуют в организации этого мира.

Ключевые слова: *phaenomena*, *noumena*, явления, вещи в себе, пустые *ноумены*, содержательные *ноумены*, трансцендентальные предметы в их совокупности, имманентные миру явлений отношения, ценности, нормы.

Предваряет «Трансцендентальную диалектику» очень важный раздел «Об основании различия всех предметов вообще на *phaenomena* и *noumena*». Все предметы вообще можно делить на эти две части, так как под *множеством всех предметов вообще* Кант понимает *множество всех понятий вообще о вещах*. Как уже говорилось, вещь вообще – это все то, что может быть предметом сознания, им субстантивировуемым, все, что может оказаться *существительным* как грамматической морфологической категорией. В качестве множества понятий оно не предполагает никакой амфиболии, «происходящей от смешения эмпирического применения рассудка с трансцендентальным», что и имеет место

¹ Продолжение, начало см.: Кантовский сборник. 2015. №3 (53). С. 7–21 ; №4 (54). С. 8–16.

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию: 29.12.2015 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-1-1

© Калининков Л. А., 2015

в рационалистической системе Лейбница-Вольфа: качественного различия между *phaenomena* и *noumena* здесь не мыслится, предполагается лишь разница в мере ясности и отчетливости для мышления. Ни Лейбниц, ни следующий за ним Вольф, не дифференцируя *phaenomena* и *noumena* как итог этого отождествления, не проводят границу и между *миром мыслимого* и *миром реально существующего*.

С точки зрения кантианства амфиболия более чем вероятна, она даже неизбежна, если не делать различия между множеством всех *понятий о предметах* и множеством *самих предметов*, между всем *мыслимым* и всем *познаваемым*. Для Канта *phaenomena* — это не сами явления, а понятия о явлениях, так же, как *noumena* — не умопостигаемые вещи, не вещи в себе, а умопостигаемые, то есть интеллигибельные, понятия, или понятия о вещах в себе.

Phaenomena и Noumena — явления и вещи в себе

На важность понятия *вещь (или предмет) вообще* в системе понятий «Критики чистого разума» часто не обращают внимания, иной раз просто отождествляя его с понятием *вещь в себе*. Но вещь (вещи) вообще — это именно все *мыслимое* в качестве вещи, все рожденное сознанием как его предмет, как субстантив, как существительное в нашем языке. Мышление, согласно Канту, принципиально предметно, нет и не может быть *беспредметного* мышления: даже мысля *ни о чем*, мы это ничто имеем в качестве *ничто*, в качестве предмета своей мысли. Рассмотрение Кантом понятия *ничто* весьма поучительно и значимо для всего его философского построения. Если сознание не имеет своего предмета, это означает, что нет и самого акта сознания: «...без материала вообще ничего нельзя мыслить» (Кант, 1963, с. 293; В 284). Материалом мышления служат не только вещи, но и свойства вещей, и отношения между вещами; все выражаемое в языке (будь это прилагательные, глаголы, наречия, местоимения, частицы, предлоги, союзы) опредмечивается, субстантивируется сознанием и языком².

Именно благодаря разграничению понятий о предметах и самих предметов Кант различает среди ноуменов, то есть среди интеллигибельных, умопостигаемых понятий как понятий о вещах в себе, ноумены двух типов: *содержательные ноумены* и *ноумены бессодержательные*, пустые — и это есть важнейший результат третьего раздела «Аналитики основоположений». Без этого результата не имела бы смысла ни трансцендентальная диалектика, ни две другие «Критики...» Канта.

Пустые ноумены по-своему чрезвычайно важны, так как это основные предметы всех рассуждений и построений догматической метафизики. Это такие ноумены, как бессмертие души, Бог как понятие теоретического разума, абсолютная свобода, а не только «прямолинейная двусторонняя фигура» и т. п. И в то же время пустые ноумены — основная причина явления скептицизма. Ведь как противоположные философские позиции догматизм и скептицизм органически связаны друг с другом, друг друга порождают и поддерживают. Но и для критицизма они значимы, ибо демонстри-

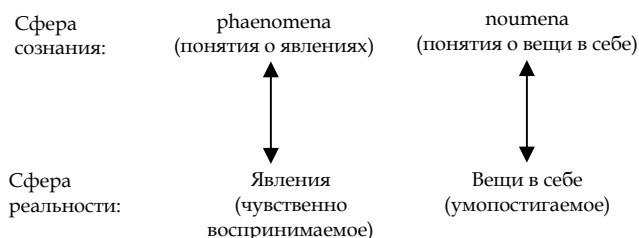
² Этой способности сознания субстантивировать реальность посвящена прекрасная работа незабвенного Авенира Ивановича Уемова «Вещь. Свойство. Отношение» (М., 1963).

ругают отличие только мыслимого от познаваемого, пустого порождения мысли, и порождения мысли принципиально реализуемого, могущего стать предметом действительного опыта.

Куда важнее *содержательные ноумены*: именно с их наличием связана творческая сила мышления, они служат важнейшим условием возможности синтетических суждений *a priori*. Содержательные ноумены имеют отношение к вещам в себе как такой реальности, которая, не будучи опосредствована познавательными процедурами рассудка и разума, не может быть выражена никаким другим образом. Содержательные ноумены как понятия объектов возможного опыта обогащают и расширяют мир явлений как мир опыта действительного. Этот процесс пополнения мира явлений, взятого из мира вещей в себе, предстает в философской системе Канта в качестве *подлинного онтологического процесса*. Онтология человеческого бытия и есть исторический процесс развития мира явлений, то есть природного мира, в ходе человеческой деятельности на основе тех безграничных возможностей, которые предоставляет мир вещей самих по себе.

В качестве скрытых от нас до времени объекты возможного опыта — Кант называет их *трансцендентальными предметами* или объектами — становятся эмпирическими явлениями при обнаружении способов их проявления и использования в практике. Но, кроме вещей в себе как предметов возможного опыта, есть вещи в себе, представляющие для нас *трансцендентальными отношениями*. Это второй вид *содержательных ноуменов*, которым соответствуют вещи в себе, представляющие собою *трансцендентальные ценности и нормы*. Находя апостериорное выражение, они имеют априорную сущность. Именно сущность их остается умопостигаемо-абстрактной, хотя они находят вполне эмпирическую форму выражения в мире реальности. Такова, например, *мораль*, такова же и *красота*. Это трансцендентальные, то есть умопостигаемые, вещи, обладающие эмпирической формой проявления и представляющие собою отношения *a priori*, которые тем не менее не трансцендентны, а *имманентны* природной реальности. «Основоположения, применение которых целиком остается в пределах возможного опыта, — указывает Кант, — мы будем называть *имманентными*, а те основоположения, которые должны выходить за эти пределы, мы будем называть *трансцендентными*» (Кант, 1964, с. 338; В 352).

Чтобы сделать эти рассуждения более понятными, я вновь прибегну к наглядным схемам. Для «Критики чистого разума» важно различать:

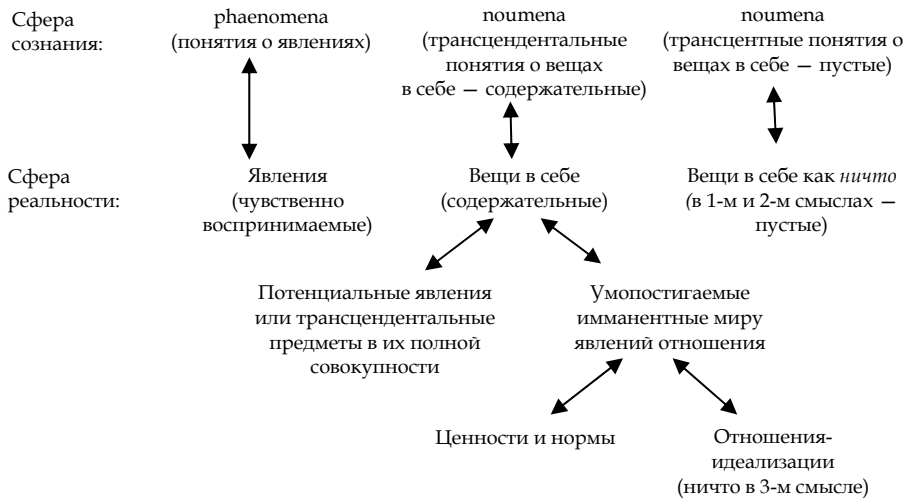

Определяющей здесь является сфера сознания: «...мы *a priori* познаем о вещах лишь то, что вложено в них нами самими», — пишет Кант (Кант, 1964, с. 88. В XVIII), и это утверждение, разумеется, относится не только к

одному умопостигаемому познанию, но то же самое должно сказать и о феноменальных понятиях, которые не могут существовать без априорных трансцендентальных схем.

Если принять во внимание многозначность термина *вещь в себе* как целого ряда ноуменов и факт разделения ноуменов на два вида, то исходная схема усложнится. К тому же не следует забывать, что априорные трансцендентальные деления понятий у Канта, как правило, трихотомичны, а не дихотомичны, как на исходной схеме.

Итак:

Свои метафизические положения Кант продумывал тщательно. Вещи в себе для него реальны не менее явлений, поскольку и те, и другие относительно, как относительны действительность и возможность. Возможный опыт вовсе не означает, что нет отношения, в котором он не был бы действительным. Обсуждая третий постулат эмпирического мышления вообще, Кант задается следующей немаловажной проблемой: «Больше ли область возможного, чем область всего действительного, и больше ли в свою очередь область действительного, чем сумма того, что необходимо, — это вопросы серьезные, требующие синтетического решения, но они подлежат суду только разума, так как в них, собственно, заключается следующая [проблема]: все ли вещи как явления входят в совокупность и *контекст* (курсив мой. — Л. К.) одного-единственного опыта, содержащего в себе всякое данное восприятие как часть, которая, следовательно, не может быть связана ни с какими другими явлениями, или же мои восприятия могут принадлежать к более чем одному возможному опыту (в его общей связи)?» (Кант, 1964, с. 291–292; В 282–283). То есть фактически, как демонстрирует Кант, это даже две взаимосвязанные проблемы, и, не решив вторую, мы не решим и первую.

Эта вторая проблема, как видим, — проблема абсолютного единства мира. Априорная синтетическая природа разума требует исходить из *одно-единственного опыта во всех его вероятных контекстах*, а это означает, что и иные разумные миры, будь они возможны, связаны друг с другом и составляют вместе единый мир, в котором осуществим и единый для всех опыт на

основе общения и коммуникативных процессов. *Третья аналогия опыта* есть средство, обеспечивающее опыт такого рода. Единство человечества с его различными культурами и цивилизациями служит здесь примером. Природа некогда разделила наших предков даже на различные расы, но не исключила возможности образования нового единства на базе культуры во всеобщем федеративном союзе государств при опоре на право *всмирного* гражданства. Кант имел в виду не просто планетарного масштаба гражданские права каждого человека, но именно права масштаба всемирного. Восемнадцатый век из всей эпохи Просвещения был особенно оптимистичен относительно внеземных цивилизаций и возможностей общения с ними.

Опираясь на принцип единства мира, можно решить и первую проблему, что Кант и делает: «На первый взгляд в самом деле кажется, что количество возможного превышает количество действительного, так как к возможности должно еще что-то прибавиться, чтобы получилось действительное. Однако я не знаю этого прибавления к возможному; ведь то, что должно было бы быть еще прибавлено к возможному, было бы невозможно. К моему рассудку в дополнение к согласию с формальными условиями опыта может быть прибавлено только одно, а именно связь с каким-нибудь восприятием; но то, что по эмпирическим законам связано с восприятием, действительно, хотя оно и не воспринимается непосредственно» (Кант, 1964, с. 292–293; В 284). Потенциальные явления присутствуют, наряду с актуальными, в той же реальности, лишь ожидая момента и способа своего проявления. Единство и относительность действительного и возможного опыта, согласно принципу всеобщего эмпирического связывания, приводит к тому, что существование вещи «можно познать также и до восприятия ее, стало быть, до некоторой степени *a priori*. В этом случае существование вещи все же связано с нашими восприятиями в возможном опыте и мы можем прийти от своих действительных восприятий до вещи через ряд возможных восприятий...» (Кант, 1964, с. 285; В 273).

Вот интереснейший пример рассуждений на эту тему, иллюстрирующий наличие потенциальных явлений (вещей в себе, опосредствованно аффицирующих нашу чувственность и, следовательно, объективно существующих). Кант пишет: «Так, воспринимая притягиваемые железные опилки, мы познаем существование проникающей все тела магнитной материи, хотя непосредственное восприятие этого вещества для нас из-за устройства наших органов невозможно. В самом деле, по законам чувственности и контексту наших восприятий мы вообще должны были бы натолкнуться в опыте также и на непосредственное эмпирическое созерцание этого вещества, если бы наши чувства были тоньше: грубость их вовсе не затрагивает формы возможного опыта вообще» (Кант, 1964, с. 285; В 273). *Магнитная материя* как проблематический трансцендентальный предмет в качестве ноумена в положительном смысле предполагает проспективную задачу более широкого включения этого предмета в единство опыта, чтобы уяснить, что же это такое. А подобная задача предполагает расширение области экспериментов, что и продемонстрировала история физики. Стало понятно, что это не только магнитная, а *электро-магнитная материя, проникающая все тела* в качестве электронов и позитронов. А если обратить внимание на размещение железных опилок вокруг притягивающего их тела в форме диффракционной картины, то открываются перспективы не только для понятия *электромагнитного поля*, но и для идеи *корпускулярно-волнового дуализма*.

Вещь в себе как средство аффицирования чувственности в реальности раскрывается в качестве бесконечного множества потенциальных трансцендентальных предметов, проблематических ноуменов, становящихся для нас явлениями, а не пустыми понятиями в виде, например, бесплотного эфира.

Содержательным ноуменам соответствует и второй род вещей в себе, представляющий интеллигибельные, то есть относящиеся к умопостигаемой природе, но имманентные миру явлений, отношения. В этом случае обращает на себя внимание последнее примечание Канта к главе о феноменах и ноуменах: «Вместо термина *mundus intelligibilis* не следует употреблять термин *интеллектуальный мир*, как это обычно делается в немецких сочинениях; в самом деле, рассудочными (*intellectuell*) или чувственными (*sensitiv*) бывают только *знания*. Наоборот, сами объекты, то есть то, что может быть только *предметом* одного или другого способа созерцания, должны называться (хотя бы это и казалось тяжеловесным) умопостигаемыми (*intelligibel*) или чувственно воспринимаемыми (*sensibel*)» (Кант, 1964, с. 311; В 312). Эти интеллигибельные предметы, существование которых реализуется в чувственно воспринимаемом мире, хотя знания о них даются нам интеллектуально, не только предметы возможного опыта, но и суть ценностные и нормативные отношения. В трудах, посвященных социальному миру, автор их неоднократно обращается к данному вопросу. Цитировать можно много и обширно, внося все большую ясность в этот род вещей в себе, — я ограничусь лишь одним кратким фрагментом из сочинения, призванного быть, по расчетам Канта, весьма популярным: «...когда речь идет о моральной ценности, то суть дела не в поступках, которые мы видим, а во внутренних принципах их, которых мы не видим» (Кант, 1965б, с. 244).

Ценности, и не только моральные, а любые, представляют собой отношения целей субъекта к свойствам объекта, могущим так или иначе обеспечить достижение и удовлетворение этих целей либо нет. Мы мыслим ценность в качестве предмета, но она в сути своей не предмет, а отношение. Кант показал это на красоте как эстетической ценности. Она, согласно Канту, есть отношение нашей созерцательной способности (воображать идеал потребной нам формы предмета как цели) к «*форме целесообразности предмета (или способу представления о нем)*» (Кант, 1966, с. 223), в той или иной мере соответствующей или не соответствующей созерцательной способности. Оно, это отношение, потому *свободно от всякого интереса* (Кант, 1966, с. 212), что представляет собой отношение *к форме предмета*, которая сама по себе, без содержания, заключенного в эту форму, абстрагирована от всякого утилитарного назначения, это способность субъективной *игры* формами, «свободная игра способностей представления» (Кант, 1966, с. 247), которая универсальна для разумного субъекта. Задолго до К. Малевича и его супрематизма Кант писал: «Там, где усматривается намерение, например, [намерение] судить о величине площади или сделать понятным отношение частей друг к другу или к целому в делении, — там нужны *правильные фигуры, и притом самого простого вида* (курсив мой. — Л.К.); и удовольствие вызывается не непосредственно видом фигуры, а пригодностью ее для всевозможных целей» (Кант, 1966, с. 247). Я бы сейчас добавил, особенно в адрес постмодернистского искусства, что эстетическую значимость

приобретают и не безобразные, но тревожащие, а то и возмущающие чувство целесообразности тщетные попытки найти хоть какую-то цель в том, что здесь предлагается в качестве эстетического объекта.

Помимо ценностей, к этому же второму роду вещей в себе принадлежат социальные нормы, содержащие *отношение императивности*. Относительно ценностей они исполняют роль обязательного условия, лишаящего ценности (в случае отсутствия необходимого перехода из состояния возможности в положение действительности) реализации. Императивные отношения исключительно многообразны в степени своего проявления: от произвольного до непреклонного побуждения к исполнению приказа.

Нормам, вещам умопостигаемым, соответствуют такие содержательные ноумены, как долг, мораль, право, а также свобода, добро...

Как и ценности, они не могут быть явлениями, но в явлениях, их отношениях и изменениях проявляются. Если ценности соотносятся Кантом с *чувством удовольствия и неудовольствия* (с аксиологической стороной сознания), то нормы — с *практическим разумом*. И то, и другое, как мы знаем, качественно отлично от знания, соотносящегося с теоретическим разумом. В предисловии к «Критике практического разума» Кант, можно сказать, с гордостью пишет: «Здесь обнаруживается почти неожиданное и удовлетворяющее [нас] подтверждение *последовательного образа мыслей* спекулятивной критики; а именно, ввиду того что она предметы опыта как таковые, в том числе и наш собственный субъект, признает только *явлениями* и тем не менее в основу их полагает вещи сами по себе, следовательно, внушает, чтобы не считали все сверхчувственное вымыслом и понятие его — лишенным содержания, практический разум теперь сам по себе и без соглашения со спекулятивным разумом³ дает сверхчувственному предмету категории причинности, а именно *свободе*, реальность (хотя только как практическому понятию и только для практического применения), следовательно, на деле подтверждает то, что там можно было только *мыслить*» (Кант, 1965а, с. 316).

«Критика чистого разума» подготовила все необходимые мыслительные средства для двух следующих «Критик...» Положение об аффицировании чувственности вещами в себе уже в ней приобрело два вида аффицирования. Один вид — это трансформация умопостигаемых вещей в данные чувствам вещи, то есть в явления, при соответствующих, часто заранее экспериментально подготовленных эмпирических условиях; второй вид — это проявление в мире явлений, в форме изменения ли уже существующих явлений или в форме возникновения нового их ряда, умопостигаемого мира при опоре на отношения, способные воздействовать на явления. Без трансцендентальной диалектики как умения оперировать ноуменами, отсеивая пустые порождения мысли и создавая условия для проявления содержательно значительных ее порождений, непротиворечивое понимание мира в качестве сущего целого, состоящего из природы неразумной и природы разумной, было бы невозможно.

³ Что без соглашения со спекулятивным разумом, это Кант, пожалуй, утверждает напрасно, так как в аналогичном предисловии к «Основам метафизики нравов» он писал, что «в конце концов мы имеем дело с одним и тем же разумом, который должен иметь различие лишь в применении» (Кант, 1965б, с. 226).

Что причина гордости Канта в совершенном использовании всех возможностей диалектики, поясняет он сам в примечании к только что процитированному довольно обширному фрагменту. В нем он поясняет: «Соединение причинности как свободы с причинностью как механизмом природы, где первая приобретает твердое основание для человека в силу нравственного закона, а вторая — в силу закона природы, и притом в одном и том же субъекте, невозможно, если не представлять себе человека по отношению к первой существом самим по себе, а по отношению ко второй — явлением, в первом случае в *чистом*, а во втором в *эмпирическом* сознании. Без этого противоречие разума с самим собой неизбежно» (Кант, 1965а, с. 316–317).

Свобода как вид причинности — одна из замечательных идей Канта — объединяет ценности и нормы в качестве умопостигаемых и имманентных миру явлений отношений с *ничто* (в содержательном смысле этого по большей части пустого ноумена, то есть как нечто в одном отношении, остающимся ничто — в другом). Как понятие реальности, противоречащей самой себе, *свобода* родственна понятиям: *инерция, абсолютно черное тело, абсолютный нуль температуры, тепловая смерть Вселенной, даже математическая точка* — и представляет собой ничто (в третьем смысле его), и все они выражают фундаментальнейшие отношения мира явлений, находящиеся в нем бесчисленные эмпирические способы реализации, само собой разумеется, при утрате интеллигибельной *чистоты*. Одновременно в этих чистых сверхчувственных отношениях открываются перспективы новых уровней умопостигаемого, а не пустого и только бесплодно мыслимого, мира, как за классической и релятивистской реальностью открывается квантово-механическая, а за ней проявляется реальность квантовохромодинамическая и т. д.

Список литературы

1. Кант И. Критика практического разума // Соч. : в 6 т. М., 1965а. Т. 4 (1).
2. Кант И. Критика способности суждения // Там же. 1966. Т. 5.
3. Кант И. Основы метафизики нравственности // Там же. 1965б. Т. 4 (1).
4. Кант И. Критика чистого разума // Там же. 1963. Т. 3.

Об авторе

Леонард Александрович Калинин — д-р филос. наук, проф. кафедры философии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, kant@kantiana.ru

THE SYSTEMACITY OF CPR AND KANT'S SYSTEM (III)

L. Kalinnikov

This article continues to analyse the systemacity of the CPR as a text ensuring the integrity of Kant's philosophical system. Following the ideas presented in the first two parts of this work, part three considers the correlation between the spheres of concepts and reality. Kant divides concepts into phenomena and noumena. The former are apprehended by the senses and the latter express the things-in-themselves. It is shown that, as concepts of things, noumena are divided into substan-

tial and empty ones. Substantial noumena correspond to transcendental objects as the material of possible experience, which has become or can become actual, on the one hand. On the other, they correspond to abstract idealisation relations – norms and values – that are immanent in the world of phenomena and contribute to the organisation of that world.

Key words: noumena, phenomena, things-in-themselves, empty noumena, substantial noumena, transcendental objects in total, relations immanent in the world of phenomena, values, norms.

References

1. Kant, I. 1965a, *Kritika prakticheskogo razuma* [Critique of Practical Reason] in: Kant, I. *Sobranie sochineniy v 6 t.* [Collected works in 6 volumes], vol. 4 (1), Moscow.
2. Kant, I. 1966, *Kritika sposobnosti suzhdenija* [Critique of Judgment], in: Kant, I. *Sobr. soch. v 6 t.*, [Collected works in 6 volumes], vol. 5, Moscow.
3. Kant, I. 1965b, *Osnovy metafiziki npravstvennosti* [Groundwork of the Metaphysics of Morals], in: Kant, I. *Sobranie sochineniy v 6 t.* [Collected works in 6 volumes], vol. 4 (1), Moscow.
4. Kant, I. 1963, *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], in: Kant, I. *Sobr. soch. v 6 t.*, [Collected works in 6 volumes], vol. 3, Moscow.

About the author

Prof. Leonard Kalinnikov, Department of Philosophy, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, kant@kantiana.ru